

М. Я. Домнич
К ИСТОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
ЦЕРКОВНЫХ ИМУЩЕСТВ во ФРАНЦИИ

Французский ежегодник 1958.

М.: издательство АН СССР. 1959. С.127-152.

Веб-публикация: Люсиль, Оксана и Алексей Сомовы. © Vive Liberta 2006

История католической церкви периода французской буржуазной революции конца XVIII в. длительное время считалась монополией клерикальной и буржуазно-реакционной историографии. Клерикалы первыми обратились к этой теме. Сразу же после переворота 9 термидора Ватикан распорядился начать сбор материалов о служителях культа и верующих — «мучениках» революции с целью их канонизации.¹ С тех пор во Франции появилось огромное количество работ, особенно по религиозной истории отдельных департаментов, кантонов и даже коммун. Альбер Матъез в 1907 г. справедливо рассуждал: «Мы очень хорошо осведомлены о преследованиях, жертвами которых были священники, но мы до сих пор гораздо меньше знаем о том, каково было их участие в мероприятиях, направленных против революционных правительств, в белом терроре III и IV гг., в роялистских выборах IV и V гг., в восстаниях VII г.»²

За последующие полвека появился ряд монографий, написанных радикалами, в том числе самим Матъезом³, Эмилем Лафоном⁴, Родольфом Рёссом⁵ и т.д. Но на каждый труд антиклерикалов церковь отвечала дюжиной «трактатов» — каноника Шаррье⁶, аббата Грегуара⁷, аббата Жоливе⁸, аббата Сикара⁹, маститого де ла Горса¹⁰ и множества других. После второй мировой войны церковь усилила религиозную пропаганду, воскрешая «героические страницы» прошлого католической церкви. Например, аббат Билло в популярной истории Вандеи призывает читателя сохранить в памяти рассказ об ужасах этой эпохи, ибо они доказывают, что «цивилизация без религии это только фасад, тончайшая шелковая ткань... и что человек-зверь готов пробудиться в своих худших инстинктах». Все события освещены подчеркнуто тенденциозно. На одной стороне благочестивый и мирно настроенный крестьянин, любящий своего пастора и свою религию, на другой — «эта отвратительная республика, убийца короля, гонительница священников, враг религии». Прихожан, посещающих молебны присягнувших священников, Билло именует «красными», а конвентского комиссара Каррье... «коммунистом»¹¹.

Ненавистью к революции пропитаны работы Гиттона о «мучениках» Ирина¹² и история вандейской войны Кубара¹³. Авторы утверждают, что главной целью революции было уничтожение христианства. С этих позиций освещается церковный вопрос в трудах по истории революции Октава Обри¹⁴ и Пьера Гаксота¹⁵.

Реакционная историография ни на шаг не продвинулась от Огюстена Баррюэля, духовника принцессы де Конти, автора первой работы по религиозной истории революции, опубликованной в Лондоне в 1793 г.¹⁶ Все тот же арсенал бездоказательных аргументов, те же жалобы на печальную участь «ни в чем не повинного духовенства». Среди сотен работ нет ни одной, в которой признавалась бы враждебная революции антигосударственная деятельность церкви. Для этих бесспорных, документально подтвержденных фактов не нашлось места ни в объемистом труде Сикара¹⁷, ни в пятитомной работе де ла Горса¹⁸, ни у Прево¹⁹, ни у Сореля²⁰, ни у Шаррье²¹. Скрупулезно описывая историю преследования, не брезгуя никакими, даже натуралистическими подробностями вымышленных или действительно имевших место актов революционного правосудия, клерикалы изображают священников, жертв террора, олицетворенном евангельской кротости: «Терпеливые, покорные, без ненависти и гнева, они говорили: «Будем молиться за тех, кто нас преследует, они больше нас нуждаются в том, чтобы их жалели»²².

За истекшие 160 лет основная концепция клерикалов не претерпела изменений. Она начинается с утверждения, что масса духовенства, включая высшее, доброжелательно встретила революцию, доказательством чему служат добровольные взносы церкви в государственную казну, участие духовенства в патриотических манифестациях 1789-1791 гг. и в выборных органах самоуправления. Сикар пространно рассказывает о «единении духовенства и нации» во время праздников федерации, о том, как епископы в пастырских посланиях «прославляли высокое Национальное собрание»²⁴ и призывали прихожан неукоснительно выполнять все его распоряжения²⁵. По словам Бурсье, наиболее просвещенные представители французского духовенства и не пытались противодействовать «энтузиазму первых дней революции, лояльно признавали необходимость реформ с целью искоренения злоупотреблений, проникших в их сословие»²⁶. Уверяют, будто духовенство, питаясь теми же идеями, что и третье сословие, и

«воодушевленное духом справедливости и бескорыстия, охотно сделало бы разумные и законные уступки»²⁷. Церковь, утверждают клерикальные историки, безропотно жертвовала десятиной, имуществом своим, она не сопротивлялась закрытию монашеских орденов. Ни одна из этих реформ якобы не помешала духовенству, особенно низшему, по-прежнему восторгаться революцией, восхвалять ее великие деяния²⁸. «В своей массе, — говорит Жоливе, — духовенство еще в июле 1790 г. было полно доверия к обещаниям революции»²⁹. Но с июля начался разрыв, и в этом, по мнению клерикального историка, повинно гражданское устройство клира, которое грубо вторглось в церковные порядки и тем «бросило большинство духовенства в оппозицию»³⁰. Но ведь именно эту концепцию отстаивали клерикалы в дни революции. Луи Раймон тогда писал: «У духовенства было отнято его имущество. Без особых затруднений оно позволило унести свой золотой крест, пока еще оставался деревянный. Но когда захотели покуситься па самую церковь, тогда его сознание глубоко возмутилось; началось сопротивление...»³¹.

Клерикальная историография всячески подчеркивает мнимое «бескорыстие» князей церкви, их якобы абсолютную отрешенность от всего мирского. В результате церковь, которая, как известно, во все времена стояла в центре политической борьбы и самых запутанных политических интриг, неожиданно оказывается совершенно «незаинтересованной» и «нейтральной».

Конечно, говорит Сикар, были жертвы революции и в других классах общества, партии взаимно поносили друг друга. Но все эти битвы разыгрывались «на политической арене и подогревались честолюбием и страстями тех, кто боролся за власть». Ничего похожего будто бы не было у духовенства. «Оно боролось за бессмертное дело... во имя спасения веры»³². Это — лейтмотив клерикалов. Но на вопрос о том, кто был нападающей стороной, ответ давно уже был дан буржуазными радикалами. «Кто же начал борьбу? — спрашивал Робине. — Кто с первых дней придал ей тот ужасный характер, который она приняла на юге, в Лионе, в Вандее?... Если бы священники и аристократы не были такими беспощадными и неразборчивыми в средствах врагами, они бы так не страдали в борьбе, которую сами затеяли с революцией, и от эксцессов, которые они же спровоцировали»³³.

Как же и при каких обстоятельствах началась борьба католической церкви против революции? Чьи интересы она защищала?

Духовная аристократия пришла в Генеральные штаты с твердым намерением отстоять права своего сословия и нобилитета, защитить от нападков королевскую власть. Она не дожидалась церковных реформ, чтобы выразить свою враждебность к начавшейся революции. Достаточно было народного восстания 14 июля, и часть епископата, наряду с придворными и принцами, покинула Францию. Марат уже в декабре 1789 г. с горечью писал: «Революция была бы завершена и свобода упрочена навсегда, если бы 15 июля десять тысяч парижан отправились в Версаль, чтобы очистить Национальное собрание от аристократов и прелатов»³⁴.

В союзе с нобилитетом высшее духовенство составляло крайне правое крыло Учредительного собрания, энергично противодействовавшее любым социальным и политическим реформам. Прелаты отстаивали ультраконсервативные позиции во всех вопросах внутри политической жизни. Они решительно сопротивлялись «Декларации прав человека и гражданина», так как она провозглашала принципы свободы личности и равенства, принципы, грозившие уничтожить кастовые и сословные привилегии в государстве³⁵. Клерикальные ораторы настаивали на предоставлении королю абсолютного права вето. «Revolutions de Paris» обвиняли духовенство в том, что желание сохранить все свои блага объединило их с дворянством, и тогда «они изобрели королевское вето»³⁶. Со скамей духовенства раздавались требования верхней палаты и трехгодичного срока парламента. Здесь находились наиболее рьяные сторонники высокого имущественного ценза. Из всех углов Франции поступали сведения о самых (различных проявлениях антипатриотизма духовенства, в том числе об отказе юре освящать трехцветные знамена, которые они называли «флагами мятежа»³⁷, и провозглашать с амвона декреты Учредительного собрания³⁸. Де ла Горе сокрушался по поводу того, что в дни 5—6 октября 1789 г. народ относился к духовным депутатам не лучше, чем к придворным³⁹. Действительно, народный оратор, выступавший 5 октября перед Национальным собранием с жалобой на его медлительность, приписывал это козням духовенства⁴⁰.

Отрицательное отношение большинства клерикалов к революции обнаружилось с самого начала, а секуляризация имущества превратила католическую церковь в непримиримого врага, зачинщика и идейного вдохновителя гражданской войны. Поэтому историю клерикальной контрреволюции следует датировать с конца 1789 г.

«Великий страх» перед мощным крестьянским восстанием, распространившимся во всей Франции вслед за падением Бастилии, охватил не только светских аристократов. Революция крестьян обрушилась также на феодальные привилегии «князей церкви». Живописную картину народного движения против «вековых прерогатив» церкви нарисовали клерикальные историки

департамента Нор. По их словам, крестьяне повсеместно отказывались платить десятину, открыто угрожали каноникам⁴¹. Сотни женщин «осадили» лилльский капитул, и каноники откупились от них с помощью значительной суммы⁴². Приор аббатства Аншен принужден был публично отказаться от взимания десятины, а аббат Маршьенна — от части ранее захваченных болотных земель⁴³. Вооруженные толпы заставили флинского аббата подписать акт об уменьшении десятины⁴⁴. В некоторых приходах происходили вооруженные стычки армии с крестьянами, нападавшими на монастыри⁴⁵. В Льесси за участие в «мятеже» было арестовано 19 крестьян, а за нападение на аббатство Флин повешено 5 человек⁴⁶.

Неудивительно, что в пресловутую «ночь чудес» на трибуне Учредительного собрания появились и многие ораторы от первого сословия, «жертвовавшие» своими привилегиями. Кюре предлагали отказаться от платы за требы⁴⁷, прекратить посылку в Рим аннатов, отменить множество бенефиции⁴⁸. Архиепископ Экса осудил всякое соглашение, которое полностью или частично «воскресило бы феодальный режим»⁴⁹. Но предложение о ликвидации десятины поступило не от духовенства, его внес герцог Шатле⁵⁰. Спустя два дня, 6 августа, когда всеобщее опьянение «историческим актом» о «полном уничтожении феодализма» прошло, церковники потребовали вычеркнуть из законопроекта пункт об отмене десятины, так как она-де является «собственностью, и на этом основании неприкосновенна и священна»⁵¹. Тогда впервые прозвучали зловещие для клерикалов слова депутата Бюзо о том, что «имущества духовенства принадлежат нации»⁵². Внезапность, с какой была высказана эта давно назревшая мысль, ошеломила не только духовных, но и буржуазных депутатов. Предложение Бюзо не обсуждалось. Но через день, в разгар прений по докладу Неккера о состоянии финансов, снова, на сей раз в практической плоскости, встал вопрос о богатствах католической церкви. Предложенный Лакостом и поддержанный Александром Ламетом законопроект охватывал довольно широкий, но взаимосвязанный круг вопросов. Предлагалось объявить имущества духовенства достоянием нации; уничтожить с 1790 г. церковные десятины, а владельцам их назначить пожизненные пенсии; установить, что епископы и кюре будут отныне вознаграждаться как священнослужители в размерах, установленных провинциальными собраниями; упразднить все монашеские ордена и установить пенсии монахам⁵³. В этом законопроекте, в неразвернутом, правда, виде, заключалась основная суть всех дальнейших реформ, кроме выборности и единообразия церковной структуры, установленных впоследствии в соответствии с новым административным делением Франции. Принципиально важным, как это подчеркнул Ламет, было провозглашение права нации на «уничтожение всех тех политических корпораций, которые она сочтет бесполезными, и использование их имущества на нужды, более необходимые для общества»⁵⁴.

Существовало, однако, опасение, что секуляризация имущества церкви представляет собой посягательство на принцип частной собственности. Именно это обстоятельство почти на три месяца задержало принятие декрета. Впоследствии в «Moniteur» так объяснялась причина этой медлительности: страна стояла перед банкротством, были испробованы все средства для ликвидации дефицита, но безуспешно. И тогда «все обратили свои взоры на духовенство, чьи колоссальные владения представлялись в ту пору единственным спасением от краха. Одно только соображение — уважение к собственности — задерживало решение Собрания и вынуждало его с негодованием отвергать все предложения, направленные к ее нарушению. Решение этого вопроса задерживалось до тех пор, пока Собрание окончательно не успокоилось насчет ущерба, который оно боялось нанести первому из всех политических прав»⁵⁵.

Главный довод в защиту правомерности вторжения в церковную собственность и отмены десятины буржуазия черпала в противопоставлении индивидуальной и корпоративной собственности. Уже при обсуждении законопроекта о десятинах выдвигалось соображение, что конфискация имущества корпораций вполне согласуется с уважением к собственности⁵⁶.

Проекту ликвидации десятин духовенство сопротивлялось недолго. Было нетрудно доказать, как это сделал Мирабо, что десятины представляют собой не собственность даже не владение, а лишь налог для содержания служителей культа⁵⁷. Маневр, предпринятый парижским архиепископом де Жюине 11 августа, имел целью спасти нечто большее, чем десятину, — всю церковную собственность, судьба которой уже была поставлена на карту. Неожиданно для всех де Жюине предложил отмену десятины в виде дара «справедливой и благородной» нации с тем лишь пожеланием, чтобы культ отправлялся «с подобающим приличием и достоинством», чтобы церкви были обеспечены «благотельными и усердными пастырями», а бедные получали «облегчение и помощь»⁵⁸. Декрет о ликвидации десятины был утвержден⁵⁹, но вскоре стал дебатироваться вопрос о конфискации всего церковного имущества.

Политические деятели крупной буржуазии были озабочены не только тем, чтобы оградить святость и неприкосновенность собственности. Они опасались, что народ истолкует их выступление как стремление завладеть имуществом церкви в целях личного обогащения. Вот почему предложение оттенского епископа Талейрана о передаче нации всех церковных богатств,

сделанное «от имени духовенства», было настоящей находкой. Казалось, оно разрешает все трудности. Талейран понял, что от него требуется. Свое выступление 10 октября он начал с указания, что для ликвидации дефицита имеется «одно мощное и решающее средство, использование которого, по моему мнению (иначе я бы его отверг), совместимо со строгим уважением к праву собственности; это средство заключается в церковных имуществах»⁶⁰. По существу эта речь содержала все основные доводы буржуазии в пользу секуляризации, в том числе главный — что духовенство не является таким же собственником, как все прочие собственники, так как «имущество, которым оно пользуется, но которым оно не может располагать, было даровано не в пользу отдельных лиц, а для выполнения определенных функций. Но если нация берет на себя не только обеспечение приличного существования каждому обладателю бенефиции, но и расходы по содержанию храмов, вспомоществованию бедным и народному просвещению, то тем самым окажутся выполненными все намерения учредителей бенефиции, а все требования справедливости — строго соблюдены»⁶¹.

Прения в Учредительном собрании были примечательны и тем, как искусно ораторы победоносной буржуазии доказывали «законность» экспроприации церковной собственности, и тем, как изворачивались клерикалы, борясь за сохранение экономических основ своего могущества, используя в борьбе против буржуазии то самое оружие, которое сама буржуазия направляла против феодалов.

Спасая свои миллиарды, депутаты от духовенства соглашались пожертвовать в пользу государства... три четверти своих доходов⁶². Архиепископ Экса Буажелен предложил в виде дара такую часть церковного имущества, какая необходима для покрытия дефицита⁶³. Наибольший же интерес представляла речь аббата Мори. Он напомнил буржуазии о социальной роли церкви: «В теперешний момент, когда падение религиозных принципов расшатало основы всякой власти, когда чернь, развращенная столь же опасными для общества, как и для религии, идеями, находится в ожидании, что мы узаконим самые демократические главы «Общественного договора» Жан-Жака Руссо, женеvского гражданина и бунтовщика, — именно в этот момент кризиса и неверия мы должны напомнить законодательному корпусу ту общепризнанную истину, что единственной твердой основой законов является религия». Но главным аргументом Мори была апелляция к собственникам. «Собственность, — говорил он, — едина и священна как для нас, так и для вас. Наша собственность гарантирует вашу. Теперь производится нападение на нас; но не сомневайтесь, что и вас, в свою очередь, постигнет та же участь». Вождь клерикалов пугал буржуазию перспективой «аграрного закона», когда народ потребует «дележа имуществ». И тогда «он будет оперировать теми же доводами, на которые вы теперь ссылаетесь против нас»⁶⁴.

Но такие угрозы не пугали буржуазию, в то время молодой и восходящий класс, полный веры в правоту своего исторического дела. Парламентские отчеты сохранили подробности полемики, которая на протяжении трех недель происходила в Национальном собрании. Она обильно прокомментирована в литературе. Клерикальная историография, в подтверждение своего тезиса, что духовенство в революции было озабочено лишь защитой религии, ссылается обычно на то, что церковь якобы без боя уступила нации свои колоссальные богатства, что сопротивление ее началось лишь с введения гражданского устройства клира, явившегося посягательством на религию. Несомненно, позиции духовенства, пытавшегося спасти свои имущества, были шаткими. Трудно было доказать, что процветание католической веры зависит от сохранения церковных и монастырских латифундий, целой касты бенефициантов, обладателей таких же миллионных состояний, как и богатейшие аристократы Франции. Потому и прошел 2 ноября 1789 г. значительным большинством (568 против 346 при 40 признанных недействительными голосов) закон, передавший имущество духовенства в распоряжении нации «с обязательством надлежащим образом обеспечить расходы на культ, содержание его служителей и вспомоществование бедным»⁶⁵. Но духовенство, которое и в парламенте приложило максимум усилий, чтобы сорвать законопроект, начало по всей стране яростную борьбу в защиту своих корыстных интересов. Эта борьба тормозила деятельность Учредительного собрания и угрожала нарушить общественное спокойствие. Именно с нее и начинается контрреволюционная деятельность католического духовенства. Между тем если клерикальная историография просто обошла эти «щекотливые» вопросы, то в антиклерикальной литературе отсутствует единая точка зрения по вопросу о происхождении католической контрреволюции. И здесь распространен взгляд, что хотя многие епископы и священники «были весьма раздражены уже с тех пор, как были изданы законы о распродаже церковных имуществ... духовенство не осмелилось прямо начать борьбу из-за этого вопроса»⁶⁶.

В нашем распоряжении имеются материалы, позволяющие сделать определенные выводы о происхождении и характере клерикальной контрреволюции. Это — брошюры и памфлеты из так называемой «Воронцовской коллекции» библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде.

М. Я. Домнич
ИСТОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
ЦЕРКОВНЫХ ИМУЩЕСТВ ВО
ФРАНЦИИ

Некоторые материалы данной коллекции, насчитывающей около 4 тыс. названий и освещающей основные события революции, неизвестны даже во Франции и до настоящего времени не публиковались в научный обиход. Они представляют большой интерес для исследователя и проливают дополнительный свет на многие проблемы революционного периода⁶⁷.

* * *

У церкви было явное преимущество перед светскими феодалами — она имела постоянную аудиторию, миллионы прихожан, привычных к религиозному послушанию, видевших в сельском кюре своего наставника, в религии — единственное утешение, а в церкви — место, где можно было на время отвлечься от будничных тягот. В конце XVIII в. широкие массы французского народа были религиозны, а деревенское население даже фанатично. Это давало в руки духовенства мощное оружие — в своем сопротивлении революции оно могло рассчитывать на поддержку обманутого народа, перепуганного опасностью, якобы угрожавшей католицизму. Поэтому, стремясь использовать верующих для дела реставрации, клерикалы развернули широкую агитацию в народе. По мере углубления революции формы и методы антигосударственной деятельности духовенства разнообразились и усложнялись.

Еще в августе 1789 г. клерикалы сфабриковали письмо... Иисус, Христа к верующим. В нем Христос угрожал безбожникам и всем тем кто откажется платить десятины, что «поразит их поля бесплодием» что «крылатые змеи выгрызут чрева их жен». В приписке к письму говорилось: «Так наказывает господь бог бесчувственных христиан, отказывающихся платить десятину»⁶⁸. По-видимому, это было одно из первых произведений клерикальной публицистики в период, когда Учредительное собрание обсуждало законопроект о ликвидации десятины. Но вот были секуляризованы церковные имущества, и сразу же Франции была буквально наводнена памфлетами, постановлениями, мятежными! писаниями, епископскими посланиями и поджигательскими пасквилями⁶⁹. Надо отдать справедливость революционно-демократической прессе — она тотчас же забила тревогу, указывая на опасность, которую таила в себе враждебная агитация прелатов. Епископы, писал Демулен «раздули своими поджигательскими посланиями такой пожар, что следует в ближайшем будущем ожидать взрыва»⁷⁰. В этом не было преувеличения. Уже в первом из подобных посланий (с ним в октябре 1789 г. обратился к верующим трегьерский епископ) содержался призыв к не повиновению. Этот прелат предлагал кюре своей епархии «устраивал молебны за возвращение мира», — под «миром» он разумел дореволюционный режим. Он предал анафеме лозунг «свобода, равенство и братство» как несовместимый с духом религии. Революцию он объявил «ниспровержением порядка», конституцию — посягательством на принципы природы и веры, терпимость — безбожием, равенство — чудовищной химерой, свободу — мятежом. Автор послания заклинал священников «вывести народ из заблуждения, в котором он находится»⁷¹. При обсуждении в Учредительном собрании выяснилось, что трегьерский епископ не ограничился посланием — он побудил группу молодых людей дезертировать из национальной гвардии⁷². Саморазоблачение одного из «князей церкви» вызвало возмущение общественности. Анонимный автор одной из брошюр⁷³ обратился к епископу с вопросом: «Имеют ли родину прелаты, которые, подобно вам, злоупотребляют легковерием народов?».

Послание трегьерского епископа не оставляло сомнения в том, каковы политические симпатии и намерения церковной знати. В дальнейшем с аналогичными посланиями к верующим своих епархий обратились епископы Блуа, Ипра, Амьена, Ош и др.⁷⁴

Декрет 2 ноября не означал немедленной секуляризации имущества. Однако наиболее дальновидные бенефицианты понимали, что финансовый дефицит скоро заставит Учредительное собрание реализовать право нации распоряжаться богатствами церкви. Они поспешили припрягать и присвоить ту часть имущества, которую можно было превратить в звонкую монету. Демократическая печать была полна сообщений о разбазаривании духовенством национальных богатств, особенно лесов и драгоценностей⁷⁵. В ноябре на площади Мобер в Париже появилась афиша, изобличавшая руководителей Кармского монастыря в продаже ими церковной утвари и похищении книг из библиотек⁷⁶. Возмущенное этими сообщениями, Учредительное собрание декларировало 7 ноября, что имущество церкви и монастырей находится «под наблюдением властей» и что всякая его порча и хищение будут строго наказываться⁷⁷.

Но хищения продолжались и даже умножились в связи с декретом 19 декабря о продаже коронных имуществ и имений духовенства на сумму в 400 млн. ливров и выпуске бумажных ассигнаций⁷⁸. В письме из Нижней Нормандии сообщалось, что религиозные общины, кюре и другие бенефицианты вырубали леса и продают их, «дабы уменьшить, таким образом, стоимость имуществ и лично воспользоваться ценностью этих лесов»⁷⁹. Отдельные факты вынужден был признать и де ла Горе. Например, аббат Франкево в Лангедоке убежал в город, унося с собой ценные бумаги; во многих местах крестьяне выставили часовых, «чтобы наблюдать за тем, что

вывозится из монастырей». В Оберне они обыскали монастырские повозки и нашли в них припрятанными «12 столовых приборов из серебра... 1400 ливров монетами»⁸⁰. Разбазаривание усилилось после декрета 13 февраля 1790 г. о ликвидации религиозных орденов и конгрегации. О размерах хищений можно судить по тревоге, которую испытывал Якобинский клуб. На заседании 17 марта 1790 г. выражалось опасение, что Фландрия «скоро совсем останется без леса», приводился факт продажи аббатиссой де Флин, близ Дуэ, леса на 90 тыс. экю⁸¹.

Весьма любопытные данные о разбазаривании имуществ мы находим в русской печати, враждебно настроенной к революции. Корреспондент «Московских ведомостей» сообщал из Парижа «достоверные известия», что «монахи наши возвращаются в новый мир вольности не с пустыми руками, но берут из монастырей не только наличные деньги, но также серебро и всякие драгоценности, дабы препроводить в отдаленных местах дни и ночи с удовольствием»⁸². «Политический журнал», издававшийся в Гамбурге «Обществом ученых мужей» и регулярно переводившийся на русский язык, был хорошо осведомлен о французских делах. 3 майской книжке за 1790 г. журнал подробно описывал, как монахи и монахини продают мебель, берут у арендаторов задатки, заключают подлинные и мнимые сделки с займодавцами; как аббат и монахи из аббатства Сите обменяли 1500 тыс. ливров на хорошие векселя и отправились с ними в Италию. Далее не без иронии рассказывалось: «В некоторых монастырях, именно в аббатстве лирском бенедиктинского ордена, с монахами случилось несчастье, у них украдены все деньги и серебряная посуда. И каждый говорит: монахи вовремя дали себя обокрасть»⁸³. В июле 1790 г. тот же журнал сообщал: «В церквях и монастырях так сильно крадут священные сосуды... и церковные деньги так розданы займы, что назад возвращены быть не могут»⁸⁴.

Церковь веками жадно накапливала огромные богатства — основу своего могущества и независимости. Для приумножения их она не брезговала ничем: барщиной крепостных, ростовщическими сделками, конфискацией земель под видом борьбы с ересью, гнусными иммунитетами, торговлей индульгенциями, подделкой завещаний, анафемами, «дарственными» актами, вырванными у верующих при смерти. И когда нация предъявила свои законные права на узурпированное у нее имущество, духовенство встало на его защиту. В этом нет ничего удивительного. Доказано, что церковь «скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на 1/39 ее денежного дохода»⁸⁵. Она готова была идти до конца в борьбе за свои материальные богатства, свои привилегии. Ее первой заботой было помешать реализации декрета 2 ноября.

Реакционная историография потратила немало усилий, чтобы доказать противоположное. «Духовенство, — пишет современный историк Латрейль, — ничуть не стесняло операций» (по продаже имущества. — М.Д.)⁸⁶. По словам Сикара, ни в одной провинции, за исключением Эльзаса, не было даже простой оппозиции. Продажи совершались «в полной тишине и покорности епископата, который молчит или предписывает повиновение законам»⁸⁷. Однако подобные утверждения решительно не соответствуют фактам и опровергаются свидетельствами участников революции.

Начнем с Эльзаса. По инструкциям кардинала Рогана в Страсбурге был составлен на имя короля протест против конфискации имуществ. Его подписали 30 тыс. верующих. Эбер писал: «Это священник, а не 30 тыс. добрых граждан, представил королю чертовски смешную и фанатичную петицию. Это священник сожалеет о блеске, изобилии и удобствах, которые предоставлял им старый режим». Эбер изобличал священников, пользующихся религией как прикрытием для сохранения своих барышей⁸⁸.

В пограничном Эльзасе духовенство вело себя крайне вызывающе, — оно уповало на поддержку Германской империи, за помощью к которой оно обращалось⁸⁹. В анонимной брошюре, распространенной здесь в начале 1790 г., население оповещалось о скором наступлении на Францию 30 тыс. пруссаков и 100 тыс. австрийцев. К этому автор брошюры присовокупил свое личное намерение убить всякого, кто купит хотя бы на один флорин имущество духовенства⁹⁰. В свою очередь епархиальное руководство распорядилось об оказании сопротивления инвентаризации имущества⁹¹.

Но Эльзас вовсе не был исключением. В Монпелье верующих также пытались заставить подписаться под декларацией, имевшей целью добиться отмены продажи имущества духовенства. Однако здесь эта затея сорвалась⁹². В Жевенне циркулировало письмо главного викария епархии Але, призывавшего всех прихожан присоединиться к требованию католиков Але и Нима сохранить имущества, епископства, монастыри. Активность епископа Лангедока объяснялась тем, что он больше других епископов терял от секуляризации имущества⁹³. Спустя несколько дней стало известно, что капитул ордена Сен-Бертен напечатал контрреволюционный адрес Учредительному собранию, подписанный несколькими гражданами г.Але, выступавшими против секуляризации и продажи имущества. Каноники безуспешно пытались заручиться также содействием муниципального бюро и национальной гвардии⁹⁴.

Архиепископ ошский Ла Тур дю Пен запретил священникам своей епархии провозглашать с амвона декреты, «вредные для религии и противные духу церкви, вроде тех, которые предписывают продажу их имуществ»⁹⁵. 24 мая 1790 г. толпы народа направились в монастырь соборной церкви в Париже и «сожгли протест тамошних каноников против продажи недвижимых имений духовенства»⁹⁶. В Ла-Манше некоторые кюре оказывали энергичное сопротивление инвентаризации имущества, так что администрация вынуждена была прибегнуть к силе⁹⁷. Уже цитированный нами «Политический журнал» с удовлетворением констатировал: «Особливо в провинциях, лежащих к полудню, да и во многих других местах противоборствовали продаже духовных имений»⁹⁸.

На это сопротивление возлагали надежды и те, кто и за пределами Франции желал краха революции. «Московские ведомости» были настроены оптимистически: «Положение Национального собрания, касательно до продажи духовных имений, может сопровождаться важными следствиями... Разные города и теперь уже оному противоборствуют, требуя притом, чтобы королю возвращена была исполнительная власть во всем ее пространстве»⁹⁹. Последнее важно подчеркнуть. Действительно, движение за сохранение имущества явилось составной частью феодально-реставраторской программы первого года революции. Существовала прямая, признанная современниками взаимозависимость в действиях духовной и светской аристократии. Церковь не теряла надежды на наступление «лучших времен» и стремилась воздействовать на паству, дабы отвлечь ее от приобретения недвижимости духовенства. Повсеместно католиков старались держать в страхе перед неизбежными карами, какие постигнут каждого, кто посмеет овладеть «национальными имуществами». В одном месте кюре с амвона предсказывал «нищету, несчастье, бедствия для тех, кто приобретет бывшее церковное имущество, равно также для их потомства»¹⁰⁰; в другом священник угрожал покупателям «анафемой и осуждением на вечные муки»¹⁰¹. В памфлете, распространявшемся в это время, говорилось: «Все французы, которые не впали в ересь, прочтут на стенах и границах церковных владений угрожающие слова, которые всевышний начертал на ковчеге: «Не прикасайтесь!»»¹⁰² Несколько позже в Бордо в церкви Сен-Проже проповедник объявил отлученными от церкви всех, кто купил или купит национальные имущества¹⁰³, а в дистрикте Пон-Круа (департамент Финистер) викарий Рошедро проповедовал во время службы, что «приобретатели имущества не могут ни в коем случае получить отпущение грехов»¹⁰⁴. Священники Руана и Кана в Нормандии внушали верующим трепет перед... «близким светопреставлением». Для пущего устрашения Национальное собрание было объявлено «антихристом». Они уверяли прихожан, что Франция навлекла на себя «гнев божий» только одним — «продажей церковных имуществ», и тут же давали понять, что все успокоится лишь тогда, когда «декрет о секуляризации имущества будет аннулирован либо осуществление его будет приостановлено»¹⁰⁵.

Все же публичная пропаганда неповиновения законам становилась опасной — в каждой коммуне имелись патриоты, возникали первые клубы и народные общества. Поэтому важным средством пропаганды сделалась брошюрная и памфлетная литература, большей частью анонимная, которая вооружала провинциальное духовенство разнообразным пропагандистским материалом. Так называемая «Воронцовская коллекция», хранящаяся в ленинградском отделе Академии наук, содержит большое количество образцов подобной литературы.

Вот «Призыв к нации генерального викария Реймса аббата Ла Гар де Шевраль»¹⁰⁶. Многие десятки страниц заполнены доказательствами законности церковной собственности. Взывая к чувствам верующих, он рисует мрачную картину положения, в которое декрет 2 ноября вверг служителей культа: «Лишенные состояния, уважения, плодов своего труда, придавленные оскорблениями и преследованиями... они ограблены и осуждены окончить свою карьеру в печали и зависимости». Выразив надежду на то, что король не санкционирует декрета, автор затем использовал демагогический прием, уже безуспешно примененный в Учредительном собрании нансийским епископом. «Знаете ли вы, — обращался он к законодателям, — что народ будет вынужден платить 150 млн. ливров на содержание культа? Знаете ли вы, что ему будет очень тяжело оплачивать расходы культа, который во многих провинциях прихожанам ничего не стоит?» Автор другой брошюры¹⁰⁷ обвинял Национальное собрание в том, что оно нарушило волю нации, которая в наказах требовала лишь пропорционального обложения налогами привилегированных и признавала право духовенства на владение имуществом. Оно нарушило священный принцип собственности — основу основ всякого общества и порядка. Далее приводились уже известные доводы аббата Мори: если Учредительное собрание обосновывает свои декреты тем, что оно выражает волю большинства, то это противоречит разуму, «ибо если большинство имеет право все делать, то можно себе представить, что в один прекрасный день соберутся все несобственники, а их, как известно, во Франции больше, чем собственников, и решат сами, или через посредство своих представителей, ликвидировать всякую собственность или произвести раздел движимого и недвижимого имущества».

Всего любопытней те литературные произведения, в которых духовенство защищало свои владения со ссылкой на... «Декларацию прав человека и гражданина». Анонимный автор брошюры¹⁰⁸ начинает с заявления, что народ поклялся поддерживать конституцию даже в том случае, если само Национальное собрание издаст законы, противоречащие ее духу. Декрет, «ограбивший духовенство, именно и заполнен вопиющими противоречиями» с конституцией. процитировав 16 и 17-ю статьи Декларации, в которых гарантируются права граждан и собственность» он протестует против их нарушения и заключает свои жалобы демагогическим выпадом, в котором содержатся вполне определенные политические намеки: «Французский народ!.. как ты несчастен и слеп! Разве тебе что-нибудь досталось в результате тех зол, которые причинены трону, дворянству и духовенству?.. Ты еще менее свободен, чем когда бы то ни было, а бедность твоя еще более возросла. Разве ты разбогатеешь от того, что имущества духовенства будут расчленены и распроданы?»

Для народного чтения издавались брошюры, написанные в форме своего рода катехизисов. Вот, к примеру, выдержки из «Письма епископа ко всем верующим 83 департаментов Франции»¹⁰⁹:

«Вопрос. Вы полагаете, следовательно, что невозможно покупать имущество духовенства?»

Ответ. Разумеется, нельзя, ни с точки зрения безопасности, ни с точки зрения нравственных принципов... Было бы оскорблением для Нации считать ее неизлечимо испорченной. Буря, волнующая ее, не будет длиться долго, она снова вернется к спокойствию... и не замедлит отбросить несправедливости, которые оскверняют ее честь. Она пробудится от летаргического сна, и пробуждение ее будет ужасным для всех тех, кто ее обманывал... Разве может она тогда не почувствовать обязанности восстановить служителей церкви в их священных владениях, узурпированных нечестивцами?.. Продающие наши имущества являются, несомненно, узурпаторами. Ограбив церковь, они совершили тяжчайшие преступления, колоссальное святотатство и навлекли на себя страшную анафему. Те же, кто приобретут церковные имущества и возомнят, что они вправе владеть ими, совершат такое же преступление и тоже подвергнутся анафеме».

Размноженные в тысячах экземпляров, катехизисы распространялись в деревне и служили материалом для проповеди сельских священников.

Стремясь вызвать широкое движение с целью сохранить свои имущества, духовенство применило еще один демагогический прием — апелляцию к бедноте.

По каноническим законам часть доходов церкви предназначалась на вспомоществование бедным. Однако, злоупотребляя своим положением, епископат со временем свел до минимума эти расходы, что отмечалось и в наказах Генеральным штатам. Так, в наказе общины Сен-Кентен, например, говорилось: «Пять монахов пожирают 24 тыс. ливров дохода. Они живут в прекрасно обставленных помещениях, едят самые изысканные блюда, здесь охотно принимают светских дам и дворян, но нищие, являющиеся сюда просить милостыни, изгоняются с позором как низшие существа, которых не признают более братьями»¹¹⁰. Прихожане Тилльера жаловались: «Наш приход дает духовенству 120 тыс. ливров ежегодного дохода, а бедные не получают ничего»¹¹¹. Большинство церковников «ничем не участвуют в деле милосердия и вспомоществования бедным», — говорилось в наказе Фонтене¹¹². Этому вопросу уделяли внимание и брошюры. В одной из них, датированной 1789 г., подчеркивалось: «Нищие имеют законное право на пользование миллионными доходами от имущества церкви, а во Франции миллионы бедняков умирают от голода... Неужели мы скоро дойдем до того, что французские деревни во главе со своими кюре вынуждены будут просить милостыню у крупных бенефициантов?»¹¹³

Эти справедливые нарекания, однако, нисколько не смущали бенефициантов. Чтобы вовлечь массы в борьбу против секуляризации, они произносили в Национальном собрании громовые речи в защиту имуществ, «принадлежащих бедноте». Автор одного из многочисленных посланий к бедным¹¹⁴, взявшись раскрыть «ту непосредственную связь, которая существует между интересами бедных и интересами религии», выдвинул политические положения, характерные для всей контрреволюционной пропаганды первого периода революции. Он заявил, например, что «нынешняя революция вреднее для нуждающегося класса общества, чем для класса богатых и собственников». Известно, говорится в брошюре, что революция разорила торговлю и ремесла, безработица откроет глаза рабочим мануфактур и мастерских, и тогда они «признают, хотя и будет уже поздно, что революция, которую они так рьяно защищали ...истощила единственный источник их достатка и благополучия». До сих пор церковь облегчала участь бедных, а «к кому же они смогут отныне обращаться?» Бедняки имеют «реальное право на имущество церкви, оно в значительной части принадлежит им, и ограбление духовенства является не чем иным, как кражей у нищих».

Доказывая, что «дело церкви является в то же время делом бедняков», автор призывает последних «оказать отчаянное сопротивление какой бы то ни было продаже или отчуждению своего имущества». Беднякам рекомендовалось собираться в каждом приходе, чтобы противодействовать продаже церковных имуществ».

В провинцию была направлена специально отпечатанная форма петиции, которую надлежало подписать и направить в Национальное собрание. Вот ее текст: «Принимая во внимание, 1) что церковные имущества никогда не были даны нации, а стало быть ей не принадлежат... 2) что они навеки переданы церкви и религии на содержание ее служителей, с полным правом пользования доходами... 3) что эти имущества являются также имуществом бедных... что ограбленное Национальным собранием духовенство лишено возможности выполнять эту главную свою функцию, а продажа имуществ навсегда лишила бы бедняков той помощи, на которую они вправе рассчитывать. По этим мотивам мы, бедняки прихода... департамента... протестуем против всякой продажи имуществ, принадлежащих церкви, с целью отнять у несомнимых права, которые мы имеем на эти имущества

Составлено... год... подписи»¹¹⁵.

Поток клерикальной литературы был столь велик, что местные власти, опасаясь возможных последствий, принуждены были принять меры против ее распространения. Так, например, муниципалитет в начале июня 1790 г. принял постановление, гласящее, что брошюры «Memoire sur la vente des biens ecclesiastiques» и «Declaration d'une partie de l'Assemblée nationale le 13 avril 1790 concernant la religion» «во избежание вредного действия, какое эти писания могут произвести... будут сожжены у здания муниципалитета рукой палача и в присутствии граждан»¹¹⁶.

Несмотря на интриги и прямое сопротивление клерикалов, распродажа церковных имуществ протекала в общем нормально. Прямая выгода побудила даже многих священников и дворян приобретать земли. Так, в департаменте Вьенна среди покупателей значилось 134 духовных лица и 55 аристократов¹¹⁷. Часть земель досталась богатому крестьянству, но главным приобретателем была именно буржуазия, и особенно городская буржуазия.

Если агитация не дала большого эффекта, то французский народ отчасти обязан этому контрпропаганде, которую деятельно, изо дня в день, вела демократическая пресса, особенно газеты Эбера, Лустало, Горса, Демулена, Марата и др., а также анонимная антиклерикальная памфлетная литература, отдельными образцами которой мы располагаем.

Анонимный автор брошюры, появившейся в апреле 1790 г.¹¹⁸, обосновывал свое выступление тем, что «народ буквально задавлен антипатриотическими писаниями и нуждается в просвещении», особенно относительно церковных имуществ. Эта брошюра написана популярным языком и содержит много ссылок на священное писание. В частности, приводится многократно использованный просветительской литературой «завет Христа»: «Идите, продайте все, что имеете, и раздайте бедным, и тогда вам обеспечено место на небесах... богатому очень трудно будет попасть в царство небесное». Приводился красочный материал о роскоши, в которой живут прелаты, и о разврате, которому они предаются в то время, как «бедняк умирает от холода и нищеты». Обращаясь к епископам, автор призывает их заниматься единственно полезной функцией — «проповедовать евангелическую мораль».

Антиклерикальным духом пронизана и другая брошюра¹¹⁹, полная резких нападок на духовенство, прикрывающее маской религии свою привязанность к земным богатствам. В каждом номере демократических и либерально-буржуазных журналов и газет публиковались статьи, а также корреспонденции из провинции о многочисленных фактах сопротивления, оказанного духовенством инвентаризации и продаже имущества.

При всем разнообразии средств, примененных в борьбе за имущества, при всей энергии, затраченной для этой цели, церковь никогда не упускала из виду главного — подготовить атмосферу гражданской войны. К весне 1790 г. клерикалы накопили немалый опыт враждебной революции политической пропаганды среди некоторых слоев населения, возникли первые очаги религиозной вражды между католиками и протестантами.

Автор одной из антиклерикальных брошюр рассказывал: 31 марта 1790 г., проходя мимо церкви Сен-Катерли в Париже, он услышал пение. Это монашенки, так называемые «голубые сестры», хором повторяли слова новой молитвы: «Париж находится в состоянии опустошения; иностранцы больше не приезжают на его праздники... все духовенство стонет. Убежища девственниц осквернены, весь город в печали»¹²⁰. Использование храмов для пропаганды ненависти к революции — явление весьма распространенное. Устраивались таинственные богослужения, которые расценивались демократической прессой как заговор против общественного спокойствия. Об одном из них писал анонимный автор антиклерикального памфлета¹²¹. В течение трех недель в церкви Сен-Этьен-дю-Мои совершались вечерние

богослужения, предлогом которых явилось «искупление» преступления, якобы совершенного против святого таинства. Все было рассчитано на возбуждение у прихожан фанатизма: кюре, с веревкой на шее, с распятием в руке громким и проникновенным голосом произносил слова публичного покаяния, а прочие священнослужители лежали распростертыми на полу. Затем они поднимались, снова падали ниц и после многократного коленопреклонения уходили.

Кому, спрашивал автор брошюры, нужна эта комедия? Формальным поводом является кража священного сосуда. Но где доказательства? «Не следует ли скорее предполагать, что священники спрятали сосуд, чтобы иметь повод собирать народ, организовывать сборища и под маской религии превращать их в орудие своей мести?» В брошюре выражалась тревога по поводу того, что священникам позволено «волновать душу народа» во имя оскорбленного божества в момент, когда «трудно учесть опасные последствия любого народного возбуждения». Как отмечалось в брошюре, именно церковники «желают зажечь в народе огонь возмущения, вселить в его душу дух несогласия, ненависти. В подходящий момент ему укажут, на кого должна обрушиться вся тяжесть его гнева». Заканчивается брошюра призывом «зорко следить за священниками».

Подобные призывы были обоснованы — уже весной 1790 г. церковь в различных углах Франции создала напряженную атмосферу волнений, какие обычно предшествуют открытым мятежам. Одна из брошюр, вышедшая в середине апреля 1790 г.¹²², обвинила церковь в том, что «служители мира раздувают пламя восстания». В Эльзасе они пытаются поднять католиков против протестантов. В Ниме известие об избрании протестанта Рабо Сент-Этьена председателем Национального собрания вызвало настоящее побоище, закончившееся убийством четырех протестантов. В Меце и Сомюре клерикалы подстрекали солдат к неповиновению. В Лилле солдат призывали к разгону Национального собрания. Только что, говорится в заключении, на одном из парижских мостов арестован священник за то, что «мятежными речами он пытался поднять народ».

Еще в 1789 г. демократическая пресса сообщала об отдельных фактах репрессирования служителей культа за контрреволюционную пропаганду. Так, например, 22 декабря властями был допрошен Луи Дюплесси, священник церкви Сен-Жермен в Париже, обвинявшийся в распространении «анонимных и возмутительных писем, способных нарушить спокойствие парижан». В содержании одного из таких «писем» мы узнаем из газеты Демулена. Речь идет о памфлете, написанном аббатом, под названием «Ouvrez done les ueux»¹²⁴. О Национальном собрании здесь говорится: «Вот оно, мерзость и опустошение, предсказанные пророком Даниилом; никогда прошедшие века не видели, никогда будущие века не увидят того, что мы имеем сегодня. О, бог мой, доколе вы будете терпеть эти бедствия?» Затем следовал призыв к старым парламентам возобновить свои функции: «Отмените сразу и Генеральные штаты и все то, что они успели сделать, и тогда вы будете бессмертны». В заключение следует обращение к армии: «А вы, солдаты, беспрекословно подчиняйтесь распоряжениям ваших офицеров, которые могут вам приказывать стрелять в разбойничьи сборища».

Клерикалы проповедовали неповиновение законам, враждебность к революции и реформаторской деятельности Учредительного собрания. Наиболее контрреволюционные элементы прилагали все усилия к тому, чтобы расстроить торговлю зерном, а также денежную систему.

В народе было распространено твердое убеждение, что в этом деле замешаны монастыри. Например, в июле 1789 г. помещение ордена лазаристов в предместье Парижа Сен-Дени подверглось нападению голодной толпы под предлогом, что «здесь сосредоточено колоссальное количество зерна»¹²⁵. В Вердене вооруженные женщины-патриотки конфисковали большое количество зерна, которое кюре деревни Монтевилль тщательно скрывал¹²⁶. На судебном процессе о событиях 5—6 октября 1789 г. фигурировало имя парижского архиепископа де Жюине как одного из виновников хлебных затруднений в Париже осенью 1789 г.¹²⁷ Приведя многочисленные подобные факты, «Revolutions de Paris» заключали: «Духовенству принадлежит немалая доля вины в народных несчастьях, вызванных нынешним голодом»¹²⁸.

Церковники стремились помешать нормальному ходу экономической жизни страны путем подрыва доверия народа к ассигнациям, принудительное хождение которых было декретировано Национальным собранием. Если бы им удалось помешать хождению ассигнаций или внушить народу недоверие к ним, они могли бы рассчитывать на возможность сорвать и продажу церковных имуществ. Так, автор брошюры «Простые и точные размышления об ассигнациях и об имуществе духовенства»¹²⁹ ратует за установление принудительного курса ассигнаций, чтобы этим «разорвать расставленные повсюду сети». По его словам, духовенство обращалось к населению с призывом: «Не покупайте эти имущества, вы навлечете на себя грех святотатства; вы будете одурачены, так как приобретения ваши незаконны и не солидны; ...ассигнации — лживые и преступные бумажки; буря бушует, готовится контрреволюция; вас вынудят возратить имущества и разорение ваше станет неминуемо».

О широко распространенном опасении, что духовенство интригует против денежной системы, свидетельствует памфлет, озаглавленный «Письмо аббата Мори к графине Генриете об ассигнациях»¹³⁰. Письмо, разумеется, вымышленное, но примечательно то, что демократическая журналистика приписывала клерикалам намерение поощрять неограниченный выпуск ассигнаций с целью их обеспечения. Аббату Мори в памфлете приписывались следующие слова: «Мы желаем, чтобы разразился ужасный эмиссионный кризис, и мы глубоко заинтересованы в том, чтобы этот кризис предшествовал другому, более важному. Поэтому мы будем голосовать за эмиссию». Это увеличение количества государственных кредитных знаков сразу повысит цены на продукты, и тогда поднимется всеобщий вопль народа против Национального собрания и его конституции.

Предположения автора брошюры были отнюдь не фантастичны. В июне 1790 г. в Париже был арестован аббат Шатцель из прихода св. Маргариты в Сент-Антуанском предместье, внушавший рабочим, что «Национальное собрание состоит из одних воров, обогащающихся за счет народа, который они доводят до последней нищеты». А предпринимателей он склонял «прекратить работы и рассчитать рабочих»¹³¹. Как видно, этот служитель церкви старался всякими способами увеличить армию безработных в столице. Он внушал жителям Сент-Антуанского предместья, что «ассигнации годятся только для того, чтобы раскуривать ими трубку»¹³². Изготовление фальшивых ассигнаций началось позже, в середине 1791 г., и среди крупных фальшивомонетчиков как во Франции, так и за рубежом значились имена многих служителей церкви¹³³.

* * *

Декрет 2 ноября провозгласил лишь юридическое «право нации» на церковные имущества. Фактически же управление ими оставалось по-прежнему в руках духовенства. Это создавало серьезные неудобства, необходимо было передать имущества в руки государства. В обоснование этого депутат Шассе приводил следующий довод: «Если вы желаете восстановить доверие и успокоить кредиторов государства, покажите им прочный залог в виде имущества церкви»¹³⁴. И в апреле 1790 г. в Учредительном собрании начал обсуждаться законопроект о передаче всего национализированного имущества в ведение муниципалитетов.

Если до этого у духовенства оставалась надежда на то, что государство еще не скоро воспользуется своим правом, что, быть может, страх перед нарушением собственности заставит левое крыло Учредительного собрания пойти на компромисс и ограничиться декретированной продажей земель на сумму 400 млн. ливров, то теперь и эти надежды рухнули. Перспектива полной и окончательной потери богатств стала реальной, и это придавало клерикальным депутатам энергию в борьбе за их сохранение. Доводы их во время прений 10—14 апреля не блистали новизной. Снова нансийский епископ Лафар отстаивал права бедных — «доподлинных хозяев церковного имущества»¹³⁵, а архиепископ Экса выступал в защиту «всего французского народа», на плечи которого будут взвалены новые налоги на содержание культа в размере не менее 132 млн. ливров в год¹³⁶. Прения продолжались три дня, и тогда, исчерпав все свои доводы, клерикалы прибегли к последнему средству — они заявили, что Собрание оскорбляет католическую веру, что будто бы готовится осуществление какого-то богохульного и мерзкого плана.

12 апреля, в разгар прений, произошло событие, которое клерикалы пытались использовать как последний свой козырь. Член якобинского клуба и член церковного комитета Учредительного собрания депутат Жерль, сам монах, в пылу полемики с церковниками потребовал: «Для того, чтобы закрыть рот тем, кто клеветает на Учредительное собрание, говоря, что оно против религии... нужно декретировать, что католическая, апостольская и римская религия есть и всегда будет национальной религией и что только ее культ будет публично разрешен»¹³⁷. Неожиданно для оратора ему заплотировали клерикалы. Они потребовали немедленного голосования. Но левая поняла, в какую ловушку она неминуемо попадет, если допустит принятие предложения Жерля. Шарль Ламет предупреждал, что в провинциях, особенно в Лангедоке, «где уже пытались разжечь религиозную войну, злонамеренные люди... воспользуются декретом, чтобы возобновить это гибельное заблуждение»¹³⁸. После кратковременной, но жаркой дискуссии удалось перенести обсуждение вопроса на завтра.

Вечером того же дня на собрании якобинского клуба Жерль признал свое предложение необдуманным и обещал взять его обратно¹³⁹. Более энергично готовились к следующему дню клерикалы и крайне правые депутаты Собрания — они тайно собрались в церкви капуцинов на улице Сен-Оноре.

Следует сказать, что если кое-где в провинции духовенство сумело склонить на свою сторону часть прихожан, то в революционном Париже оно не могло рассчитывать на народную поддержку. Парижская демократия полностью одобряла церковные реформы, в особенности секуляризацию имущества. Как явствует из брошюры⁴⁰, вышедшей 13 апреля 1790 г., вечером 12 апреля у Тюильрийского дворца собралась тридцатитысячная толпа, чтобы узнать, чем кончится обсуждение вопроса об имуществе церкви. Гиканьем и свистом встретили парижане вышедших из зала заседания Мирабо-младшего и аббата Мори. Последнего народ преследовал, и, не будь национальной гвардии, дело кончилось бы для него плохо.

Учитывая эти настроения, клерикалы устроили свое совещание ночью. Наряду с прелатами на нем присутствовали видные представители аристократической оппозиции — Казалес, д'Эпремениль, Вирье, Монлозье, виконт Мирабо и др. По сообщению «*Revolutions de Paris*», Монлозье предложил следующий план действий: потребовать, чтобы католическая религия была провозглашена национальной религией, чтобы имущества духовенства были употреблены исключительно на содержание церкви. В случае, если это требование будет отвергнуто, составить протест против декретов Собрания и представить его королю для получения санкции. Мори добавил, что если король проявит малодушие и не санкционирует протест, то последний надо будет напечатать и распространить с тем, чтобы народ знал, что он управляется королем, не желающим поддерживать религию отцов. Было решено явиться завтра на заседание нарядно одетыми, «чтобы можно было представиться королю в случае, если необходимо будет воспользоваться протестом»¹⁴¹. Предполагалось, что все депутаты от бывших первых двух сословий внушительным кортежем двинутся по улицам Парижа по направлению к Тюильрийскому дворцу.

Подозрительное ночное собрание встревожило Париж. Дистрикт Кордельеров постановил призвать к оружию граждан, не состоящих в национальной гвардии, дабы помочь последней в подавлении возможных беспорядков. Командующий гвардией распорядился удвоить караулы. Народ собирался группами, обеспокоенный тем, что духовенство намеревается злоупотребить его набожностью для того, чтобы «добиться отмены декрета 2 ноября, сохранить имущество... помешать нормальному обращению ассигнатов и вызвать государственное банкротство»¹⁴².

13 апреля появилось множество брошюр, в которых происки духовенства и правых квалифицировались как попытка нарушить общественный порядок. В памфлете под названием «*La contrerevolution des Calotins*»¹⁴³ говорилось, что аристократы, собравшиеся вчера у Капуцинов, ставили своей задачей «способствовать тому, чтобы разразилась контрреволюция, которую они с таким пылом готовят». Указывалось на то, что совершаются колоссальные хищения государственной казны, в частности, 12 апреля национальная гвардия задержала подготовленные для вывоза за границу 17 тонн серебра. Все эти проделки рассчитаны, по мнению автора памфлета, на то, чтобы «расстроить торговлю и приостановить работы, чтобы привлечь на свою сторону значительную часть многочисленного класса граждан, щедро раздавая им золото и серебро для осуществления возмутительной резни».

Еще одна брошюра¹⁴⁴ требовала от Национального собрания срочного разрешения вопроса о передаче имущества в руки нации с тем, чтобы духовенство призвано было к выполнению его первой и истинной обязанности — проповеди. Наконец, автор памфлета¹⁴⁵ возмущался «сбродом гнусных аристократов», осмеливающихся собираться в храмах для того, «чтобы вызвать общественные бедствия». Предупреждая о возможности объединения дворян, финансистов, эмигрантов и священников, анонимный автор обратился к народу: «Истребите эти чудовища... Спешите расстроить контрреволюцию, более гибельную и более страшную, нежели все, имевшие место до сих пор».

13 апреля клерикалы и правые в Учредительном собрании попытались заставить принять предложение Жерля, но встретили единодушный отпор большинства Собрания. Вопреки протестам и крикам Мори и Мирабо-младшего было постановлено перейти к повестке дня относительно имущества духовенства¹⁴⁶. Провал предложения Жерля вызвал взрыв бешенства у клерикалов. «Глаза черных (духовенства. — М.Д.) налились кровью, на губах выступала пена»¹⁴⁷.

В тот же вечер состоялось второе собрание аристократов у Капуцинов. По словам автора памфлета, совещание пришло к заключению, что «в Париже нам ничего не удастся — народ не с нами... Мы можем рассчитывать лишь на провинцию». И собрание одобрило идею обращения к провинциям¹⁴⁸.

Под давлением революционного Парижа Национальное собрание 14 апреля утвердило декрет о передаче всего национализированного имущества в ведение местного самоуправления¹⁴⁹. Это был чувствительный удар по церкви. Борьба, начатая клерикалами в начале революции, стала теперь более ожесточенной, — к весне 1790 г. католическое духовенство превратилось в одного из главных внутренних врагов.

Тем временем прелаты и поддерживавшие их аристократы продолжали собираться. 14 апреля состоялось очередное совещание в церкви Капуцинов на улице Сен-Оноре. Здесь был принят протест против действий Учредительного собрания, составленный депутатом де ла Шез и подписанный 297 депутатами от духовенства и дворянства¹⁵⁰. «Общество друзей народа» (так называли себя заговорщики) предупреждало французский народ об «опасности, угрожающей католической религии».

Среди многочисленных брошюр, отражавших события апреля 1790 г., имеется памфлет¹⁵¹, в котором описываются воображаемые поминки по духовенству.

Последняя из этой серии брошюр датирована 2 апреля¹⁵². Она повествовала о собрании прелатов в Сорбонне 21 апреля. Выступавшие советовали поскорее отправить заготовленное обращение к провинции. «Не медлите рассказать народу, — говорил санлийский епископ, — и пусть он в возмущении накажет подстрекателей совершенных им ошибок». Мы располагаем некоторыми образцами адресов, обращенных к провинции:

«Отзовите этих недостойных представителей (депутатов Учредительного собрания. — М.Д.)... пошлите на их место людей мудрых и просвещенных», — говорилось в одном из них¹⁵³. В другом обращении провинция упрекалась в трусости за то, что она терпит анархию, порожденную революцией¹⁵⁴. У нас нет текста протеста, который клерикалы направили провинциальному духовенству. Но факт его рассылки подтверждается современниками¹⁵⁵. Следствием его были одновременно вспыхнувшие в различных районах Франции волнения по поводу отказа Национального собрания признать католическую религию единственной пользующейся правом публичного отправления культа.

Серьезные волнения происходили 18—20 апреля в Тулузе. Началось с тайных соборщ, на которых обсуждался проект петиции относительно церковных реформ и провала предложения Жерля. В городе усилилась контрреволюционная агитация. Корреспондент «Московских ведомостей» сообщал: «В Тулузе происходят часто сетования о возвращении королю свободы и исполнительной власти. В оных участвуют дворянство, духовенство, судьи и проч.»¹⁵⁷ Священники объявили сорокачасовые молебны и проповедовали паломничество к пресвятой богородице в Роквильскую часовню, «дабы отвратить гнев небесный, который наипаче оказывается в определениях Национального собрания»¹⁵⁸. В пасхальные дни состоялись многочисленные паломничества в часовню, а 20 апреля начались и вооруженные стычки в городе, но власти овладели положением¹⁵⁹.

В Лаворе священники обходили дома и собирали подписи под прошением, направленным муниципалитету, с просьбой созвать собрание граждан, чтобы вотировать адрес Национальному собранию относительно объявления католицизма государственной религией¹⁶⁰. В Ренне священники собрались в духовной семинарии и составили адрес, имевший целью «побудить всех добрых католиков к ревности»¹⁶¹. О волнениях сообщали из Ванна, где вооруженные крестьяне пытались освободить из заключения священника, репрессированного за контрреволюционную агитацию¹⁶², из Бретани, Артуа, Бургундии. В Лангедоке устраивались соборща, на которых принимались протесты против уничтожения капитулов¹⁶³. Перпиньянский капитул 2 мая устроил собрание в доминиканском монастыре, на которое было приглашено 800 человек и заготовлено большое количество белых кокард. Но патриоты рассеяли это аристократическое соборще¹⁶⁴.

Каноники и юре Руана сочинили протест против декретов Национального собрания, касавшихся религии, и запретили монахам покидать монастыри. В бесчисленных местах, пишет «Политический журнал», «были... мятежи, замешательство, ужасы безначалия»¹⁶⁵. По его мнению, возмущение, «которое духовенством в провинции возбуждено между народом», опасней всех солдатских мятежей¹⁶⁶. И действительно, именно церкви удалось спровоцировать первые вспышки гражданской войны, разумеется, под религиозным флагом. В мае 1790 г. произошло кровавое столкновение между католиками и протестантами Монтобана, а в июне аналогичные события, повлекшие за собой большое количество человеческих жертв, разыгрались в Ниме. Теперь, на начальном этапе революции, мятежное духовенство выдвинулось на передовую линию борьбы. Характеризуя обстановку в стране весной 1790 г., Луи Блан писал: «Контрреволюция могла рассчитывать на патера... церковная кафедра побуждала к мятежу, а исповедальня к измене»¹⁶⁷.

Современники отдавали себе отчет в том, какую опасность представляли для революции происки духовенства. Собрание дистрикта Кордельеров, состоявшееся под председательством Дантона 20 апреля 1790 г., констатировало, что «с каждым важным шагом, проделываемым Национальным собранием на пути к установлению общественного порядка... враги народа удваивают свои усилия, чтобы его нарушить. В настоящий момент, когда приближается ликвидация старой судейской аристократии, продажа имуществ духовенства... они, видимо, дошли до последней точки кипения»¹⁶⁸. С большой тревогой за судьбы революции говорил Робеспьер еще в феврале 1790 г. в Учредительном собрании о тех усилиях, какие предпринимались священниками, чтобы «поднять народ в Нормандии и ввести в заблуждение сельских жителей» о распространяемой в бельгийских провинциях контрреволюционной литературе, проповедующей мятеж, о том, что повсеместно духовенство скрывает от народа благодетельные акты революции¹⁶⁹. В мае 1790 г. Марат писал: «Прискорбные известия, прибывающие со всех сторон королевства; жестокости фанатиков Нима против протестантов; предательские происки монтобанского муниципалитета... столько тревожных поводов, как бы созданных для того, чтобы сжать с болью сердца патриотов и побудить добрых граждан удвоить свою бдительность и усердие»¹⁷⁰.

К бдительности взывали и многочисленные антиклерикальные брошюры и памфлеты. Обращаясь к народу, автор одной из брошюр¹⁷¹ доказывал, что «духовенство освящает оружие, которое должно вас убить.

Оно желает ввергнуть вас в рабство, восстановить деспотизм, уничтожить Национальное собрание и его законы». К таким выводам автор, по его словам, пришел после того, как познакомился с воинствующим фанатизмом в Тулузе и убедился в том, что священники повсеместно «устраивают процессии, публично вопят о безбожии, молятся за освобождение пленного короля». Он видел, как духовенство вызывает к провинциям, возбуждая их против революции. «Я хочу, — пишет он, — чтобы истина дошла до жителей отдаленных деревень... мой гражданский призыв расскажет им правду, предостережет их против врагов общественного благополучия».

Антиклерикальная публицистика занималась политическим просвещением народа, развенчивала духовенство, его мнимую незаинтересованность в «писюских делах» и материальных благ. Она неслучайно сыграла заметную роль в организации отпора разнузданной пропаганде фанатизма.

А.Матьез писал в одной из своих ранних работ, что обсуждение законопроекта о гражданском устройстве духовенства протекало спокойно. «Не было ни бурных сцен, ни оскорбительных инцидентов. Партии обменивались аргументами с достойной степенностью и сдержанной страстью»¹⁷². Нам представляется, что созданная Матьезом картина не была столь мирной. Но Матьез в этой своей ранней работе не придавал еще большого значения тому, что происходило за стенами Собрания. А там уже весной и летом 1790 г. разгорелась ожесточенная борьба против революции, против реформаторской деятельности крупной буржуазии, готовилась гражданская война — на юге возникли уже первые ее очаги. Светские и духовные аристократы возлагали отныне все свои надежды не на трибуну Учредительного собрания, а на меч фанатизированного и суеверного прихожанина деревенской церкви.

Конечно, декреты 12—24 июля 1790 г. о новой структуре церкви были использованы как удобное оправдание для контрреволюционных происков клерикалов, поскольку последние могли теперь изображать себя борцами и мучениками за «истинную веру». Религия была ими теперь поднята как щит, как знамя для всех тех, кто ненавидел революцию. Недаром клерикальная «Gazzette de Paris» в конце 1790 г. восклицала:

«Рыцари и христиане, объединитесь вокруг алтаря, как некогда вы объединялись вокруг монарха»¹⁷³. Это было открытым объявлением войны революции со стороны католического духовенства. Но она началась значительно раньше — не летом 1790 г., когда церковь была реформирована, а еще осенью 1789 г. в связи с секуляризацией имущества. Именно имея в виду враждебные происки клерикалов, «Revolutions de Paris» впоследствии писали: «Начиная со 2 ноября 1789 г. священники вызывают необходимость в постоянном наблюдении за ними»¹⁷⁴.

¹ См. L.Detrez. La Flandre religieuse sous la Revolution, t.I. Lille, 1928, p.XIII.

² A.Mathiez. Contributions a l'histoire religieuse de la Revolution francaise. Paris, 1907, p.8.

³ A.Mathiez. La Revolution et l'Eglise. Paris, 1910.

⁴ E.Lafont. La politique religieuse de la Revolution francaise. Paris, 1909.

⁵ R.Reuss. La constitution civile du clerge et la crise religieuse en Alsace (1790—1795). Strasbourg, 1922.

⁶ J.Charrier. Histoire religieuse du departement de la Nièvre pendant la Revolution, t.I. Paris, 1926.

⁷ P.Gregoire. Histoire religieuse de la ville et pays Guérande sous la Revolution. Nantes, 1922.

⁸ Ch.Jolivet. La Revolution dans l'Ardeche (1788—1795). Largentiere, 1930.

⁹ A.Sicard. Le clerge de France pendant la Revolution, t.I. Paris, 1912.

¹⁰ P. de la Gorce. Histoire religieuse de la Revolution. Paris, 1911.

¹¹ A.Billaud. La Guerre de Vendée. Paris, 1947, pp.13, 27. 171.

¹² G.Cuitton. Les martyrs de Privas guillotines pendant la Terreur de 1794. Paris, 1945.

¹³ Ch.Coubard. Precis d'histoire de la guerre de Vendée. Paris, 1944.

¹⁴ O.Aubry. La Revolution francaise. Destruction de la royauté. Paris, 1912

¹⁵ P.Gaxotte. La Revolution francaise. Paris, 1947.

¹⁶ A.Barruel. Histoire du clerge pendant la Revolution. Londres, 1793.

¹⁷ A.Sicard. Op.cit.

¹⁸ P. de la Gorce. Op.cit.

¹⁹ A.Prevost. Histoire du Diocese de Troyes pendant la Revolution. Troyes, 1908.

²⁰ F.Saurel. Histoire religieuse du departement de l'Herault pendant la Revolution, Montpellier—Paris, 1894.

- ²¹ J.Charrier. Op.cit.
- ²² A.Prevost. Op.cit., t.II, p.355.
- ²³ См. ibid., t.I, p.75.
- ²⁴ A.Sicard. Op.cit, t.I, p.117, 100.
- ²⁵ Ibid., p.98.
- ²⁶ C.Bourcier. Essai sur la terreur. Anger—Paris, 1870, p.108.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ См. A.Sicard. Op.cit., t.I, p.99—102.
- ²⁹ Ch.Jolivet. Op.cit. p.255.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ L.Raymond. Les pretres deportes en 1793. Paris, s.a.
- ³² A.Sicard. Op.cit., t.II, p.197.
- ³³ J.Robinet. Le mouvement religieux a Paris pendant la Revolution (1789—1801), t.II. Paris, 1898, p.116.
- ³⁴ «L'Ami du peuple», N LXXXI, 29.XII.1789.
- ³⁵ A.Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France de 1789 a 1870. Paris, 1898, p.36.
- ³⁶ «Revolutions de Paris», № 12, 4.X 1789.
- ³⁷ «Les Revolutiones de Prance et de Brabant», № 3.
- ³⁸ См. A.Lallie. Diocese de Nantes pendant la Revolution, t.I, p.49.
- ³⁹ См. P. de la Gorce. Op.cit., t.I, p.140.
- ⁴⁰ См. «Courrier de Provence», № 50, t.III.
- ⁴¹ См. J.Peter et Ch.Paulet. Histoire religieuse du departement du Nord pendant la Revolution, t.I. Lille, 1930, p.57.
- ⁴² См. ibid.
- ⁴³ См. ibid., p.58.
- ⁴⁴ См. ibid., p.59.
- ⁴⁵ См. ibid., p.60.
- ⁴⁶ См. ibid., p.63.
- ⁴⁷ См. Archives parlementaires, t.VIII, p.346.
- ⁴⁸ См. ibid., p.349.
- ⁴⁹ P. de la Gorce. Op.cit., t.I, p.121.
- ⁵⁰ См. Archives parlementaires, t.VIII, p.346.
- ⁵¹ Ibid., p.353.
- ⁵² Ibid., p.354.
- ⁵³ См. Archives parlementaires, t.VIII, p.369—370.
- ⁵⁴ Ibid., p.370.
- ⁵⁵ «Moniteur», № 87, 9—10.XI.1789.
- ⁵⁶ См. Archives parlementaires, t.VIII, p.370.
- ⁵⁷ См. ibid., p.386.
- ⁵⁸ Ibid., p.394.
- ⁵⁹ Ibid., p.397.
- ⁶⁰ Archives parlementaires, t.IX, p.398.
- ⁶¹ Ibid., p. 399.
- ⁶² См. ibid., p.423. Речь аббата Эймара.
- ⁶³ См. ibid., p.624-625.
- ⁶⁴ Ibid., p.428—429.
- ⁶⁵ Archives parlementaires, t.IX, p.649.
- ⁶⁶ J.Jaures. Histoire socialiste de la Revolution francaise, t.II. Paris, 1922, p.288.
- ⁶⁷ Подробнее о коллекции см. N.Platonova. La collection Vorontzow. «Annales Historiques de la Revolution francaise», 1928, novembre—decembre, p.541—550.
- ⁶⁸ «Moniteur», № 36, 6—7.VIII.1789.
- ⁶⁹ См. «Moniteur», № 88, 10.XI.1789.
- ⁷⁰ «Les Revolutions de France et de Brabant», № 21.
- ⁷¹ «Moniteur», № 88, 10.XI.1789.
- ⁷² См. Archives parlementaires, t.IX, p.479.
- ⁷³ «Beponse a l'eveque de Treguier sur son mandement. A Paris, 1789».
- ⁷⁴ См. «Les Revolutions de France et de Brabant», № 21.
- ⁷⁵ См. «Les Revolutions de France et de Brabant», № 21.

- ⁷⁶ См. J.Robinet. Op.cit., t.I, p.117.
- ⁷⁷ Archives parlementaires, t. IX, p. 721.
- ⁷⁸ См. ibid., t. X, p. 680—681.
- ⁷⁹ «Revolutions de Paris», № 28, 16—23.I.1790.
- ⁸⁰ P. de la Gorce. Op.cit, t.I, p.165.
- ⁸¹ La societe des jacobins. Becueil des documents par F.A.Aulard, t.I. Paris, 1892, p.28—29.
- ⁸² «Московские ведомости», № 33, 24.IV.1790.
- ⁸³ «Политический журнал», 1790, кн.2, стр.911.
- ⁸⁴ «Политический журнал», 1790, кн.3, стр.1145—1146.
- ⁸⁵ К. Марк с. Капитал, т.I. Госполитиздат, 1955, стр.8.
- ⁸⁶ A.Latreille. L'Eglise catholique et la Revolution francaise. Paris, 1948, p.78.
- ⁸⁷ A.Sicard. Op.cit., t.I, p.249.
- ⁸⁸ «Reflexions sur une petition des citoyens catholiques de Strasbourg, soi-disant, au nombre de 3000U, adresses au Roi».
- ⁸⁹ См. R.Reuss. Op.cit, t.I, p.2.
- ⁹⁰ См. ibid., p.15.
- ⁹¹ См. ibid., p.2.
- ⁹² См. «Moniteur», № 132, 12.V.1790.
- ⁹³ См. Ibid.
- ⁹⁴ См. ibid., p.507.
- ⁹⁵ «Lettre aristocratique et incendiaire d'archeveque d'Auch aux pretres de son diocese» (Библиотека Академии наук (БАН) в Ленинграде, № 467).
- ⁹⁶ «Московские ведомости», № 48, 15.VI.1790.
- ⁹⁷ См. H.Lechevallier. La propriete fonciere du clerge et la Vente des biens ecclesiastiques dans le district de Saint-Lo. Saint-Lo, 1920, p.105.
- ⁹⁸ «Политический журнал», 1790, кн.4, стр.2154.
- ⁹⁹ «Московские ведомости», № 47, 12.VI.1790.
- ¹⁰⁰ L.Detrez. Op.cit., p.33.
- ¹⁰¹ Ibid.
- ¹⁰² E.Levasseur Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France de 1789 a 1870, t.I. Paris, 1903, p.136.
- ¹⁰³ См. «Revolutions de Paris», № 85, 19—26.II.1791.
- ¹⁰⁴ «Revolutions de Paris», № 95, 30.IV—7.V.1791.
- ¹⁰⁵ «Contre-revolution tentee par les pretres en Normandie», БАН, № 3737.
- ¹⁰⁶ «Appel a la nation par M.l'abbé de la Gard de Cheval, vicaire general de Reims». БАН, № 1523.
- ¹⁰⁷ «Considerations historiques et politiques sur la noblesse et le clerge francais». БАН. № 3644.
- ¹⁰⁸ «Protestation generale contre la vente des biens du clerge». БАН, № 1837¹.
- ¹⁰⁹ «Lettre dun Eveque a tous les fideles disperses dans les 83 departements de la France». БАН, № 2985.
- ¹¹⁰ Archives parlementaires, t.III, p.585.
- ¹¹¹ J.Robinet. Op.cit., t.I, p.168
- ¹¹² Archives parlementaires, t.I, p.169.
- ¹¹³ «L'Essai sur la reforme du clerge». Ch.L.Chassin. Les cahiers de cures. Paris, 1882, p.198.
- ¹¹⁴ «Avis aux pauvres sur la revolution presente et sur les biens du clerge». БАН. № 1186.
- ¹¹⁵ J.Robinet. Op.cit., t.I, p.182—183.
- ¹¹⁶ «Revolutions de Paris», № 49, 12—19.VI 1790.
- ¹¹⁷ См. O.Aubry. Op.cit., p.170.
- ¹¹⁸ «Le desespoir du haut clerge ou reponse du peuple an discours de M.l'eveque de Nancy». БАН, № 3720.
- ¹¹⁹ «Mysteres du clerge dévoiles et les moyens quil a employe pour excroquer nos biens. Avec l'amende honorable faite au peuple par l'abbé Maury». БАН, № 3718.
- ¹²⁰ «Denonciation des Anonciades». БАН, № 105.
- ¹²¹ «L'amende honorable». БАН, № 64.
- ¹²² «Thermometre des evenements de la journee du 13 avril 1790». БАН, № 312.
- ¹²³ «Revolutions de Paris», № 24, 19—26.XII.1789.
- ¹²⁴ «Les Revolutions de France et de Brabant», № 6.
- ¹²⁶ P.Pisani. L'Eglise de Paris et la Revolution, t.I. Paris, 1908, p.94.
- ¹²⁶ См. «Revolutions de Paris», № VII, 22—29.VIII.1789.
- ¹²⁷ См. P.Pisani. Op.cit, t.I, p.104.
- ¹²⁸ «Revolutions de Paris», № 17, 31.X—7.XI.1789.
- ¹²⁹ «Reflexions simples et exactes sur les assignats et les biens ecclesiastique». БАН, № 1478.

- ¹³⁰ «Lettre de M.l'abbe Maury a la comtesse Henriette sur les assignats». БАН, № 751.
- ¹³¹ Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч.1. СПб., 1909, стр.222.
- ¹³² Там же, стр.223.
- ¹³³ См. J.Bouchary. Les Faux-Monnayeurs sous la Revolution francaise. Paris, 1946, p.29, 31, 33, 38.
- ¹³⁴ Archives parlementaires, t.XII, p.618.
- ¹³⁵ Archives parlementaires, t.XII, p.679—683.
- ¹³⁶ Ibid., p.696.
- ¹³⁷ Ibid., p.702.
- ¹³⁸ Ibid., p.702-703.
- ¹³⁹ См. «La societe des jacobins», t.I, p.59.
- ¹⁴⁰ См. «Indecence inouie du vicomte de Mirabeau et de l'abbe Maury envers la nation et justification de M. le Marquis de la Fayette». БАН, № 286.
- ¹⁴¹ «Revolutions de Paris», № 40, 12—17.IV.1790.
- ¹⁴² Ibid.
- ¹⁴³ БАН, № 287
- ¹⁴⁴ «Le desespoir du haut clerge ou reponse du peuple aux discours de M.l'eveque de Nancy». БАН, № 272.
- ¹⁴⁵ «Les veroles de l'Assemblee nationale». БАН, № 212.
- ¹⁴⁶ См. Archirves pariemerrtaires, t.XII, p.718.
- ¹⁴⁷ «Projet horrible de soulever les provinces». БАН, № 282.
- ¹⁴⁸ Казалес говорил в Учредительном собрании 14 апреля: «Certes on ne les (имущества духовенства. — М.Д.) eut jamais violees, si l'Assemblee n'eut jamais siege a Paris». «Moniteur», № 106. 15.IV.1790, t.II, p.429.
- ¹⁴⁹ См. Archives parlementaires, t.XII, p.749—751.
- ¹⁵⁰ См. «Nouvelle assemblee des aristocrates aux capucins, presidee par l'archeveque d'Aix». БАН, № 284.
- ¹⁵¹ «Grande messe de Requiem pour le repos de l'ame de son altesse serenissime et eminentissime monsieur le clerge de France...». БАН, № 281.
- ¹⁵² «Decouverte de l'Assemblee nocturne et clandestine tenue par le clerge de nuit a la Sorbonne, avec le detail de ce qui sest passe». БАН, № 306.
- ¹⁵³ «Adresse aux provinces ou examen des operations de l'Assemblee Nationale», 1789, БАН, № 466.
- ¹⁵⁴ См. «Nouvelle adresse aux Provinces». БАН, № 1448.
- ¹⁵⁵ См. «Политический журнал», 1790, кн.2, стр.748.
- ¹⁵⁶ См. «Les Revolutions de France et de Brabant», № 23.
- ¹⁵⁷ «Московские ведомости», № 43, 29.V.1790.
- ¹⁵⁸ «Политический журнал», 1790, кн.2, стр.748.
- ¹⁵⁹ См. Там же, стр.757.
- ¹⁶⁰ См. «Moniteur», № 132, 12.V.1790.
- ¹⁶¹ «Политический журнал», 1790, кн.2, стр.748.
- ¹⁶² См. Там же, стр. 749.
- ¹⁶³ См. «Moniteur», № 132, 12.V 1790.
- ¹⁶⁴ См. «Revolutions de Paris», № 45, 15—22.V 1790.
- ¹⁶⁵ «Политический журнал», 1790, кн.2, стр.749.
- ¹⁶⁶ См. Там же. стр.747.
- ¹⁶⁷ См. L.Blanc. Histoire de la Revolution francaise, t.IV. Paris, 1853, p.181.
- ¹⁶⁸ «Extrait des registres des deliberation de l'assemblee du district des cordeliers». БАН, № 209.
- ¹⁶⁹ A.Debidour. Op.cit., p.58.
- ¹⁷⁰ «L'Ami du peuple», № CIX, 20.V.1790.
- ¹⁷¹ «La sentinelle du peuple». БАН, № 154.
- ¹⁷² A.Mathiez. Rome et le clerge francais sous la constituante. Paris, 1911, p.454.
- ¹⁷³ «Gazette de Paris», 9.XII.1790.
- ¹⁷⁴ «Revolutions de Paris», № 146, 21—28.IV.1792.